КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

№ 106.

ГЛѢБЪ АЛЕКСѢЕВЪ

ЖИВЫЯ ВСТРѢЧИ

А. Ремизовъ, гр. А. Н. Толстой, Ив. Бунинъ, Б. Лазаревскій, А. Каменскій, Андрей Бѣлый, Ив. Наживинъ, В. Дорошевичъ, С. Есенинъ.

БЕРЛИНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

Издательство „Мысль“
Verlag „Mysl“ G.m.b.H., Berlin, Zimmerstr. 7-8.

№ 1. Изъ русскихъ поэтовъ. (Бальмонтъ Брюсовъ, Блокъ, Сологубъ, Мережковскій).

№ 2-3. Поэзія большевистскихъ дней. (Блокъ, Эренбургъ, Есенинъ, Каменскій и др.).

№ 4. Л. Толстой. Алеша Горшокъ.—Послѣ бала. — Что я видѣлъ во снѣ. — Отъ ней всѣ качества.

№ 5. Ѳ. Достоевскій. Чужая жена и мужъ подъ кроватью.

№ 6. И. Крыловъ. Избранныя басни.

№ 7. Гр. Ал. К. Толстой. Исторія Россіи отъ Гостомысла. — Сонъ статскаго совѣтника Попова. — Потокъ - богатырь.

№ 8. Ив. Шмелевъ. Сладкій мужикъ. —

№ 9-10. Гр. Ал. К. Толстой. Смерть Іоанна Грознаго.

№ 11. Ѳ. Достоевскій. Скверный анекдотъ.

№ 12. Тэффи. Сокровище земли.

№ 13. Н. В. Гоголь. Петербургскіе разсказы.

№ 14-15. А. С. Пушкинъ. Исторія пугачевскаго бунта.

№ 16. А. М. Дроздовъ. Распятіе.

№ 17. Изъ русской лирики. (А. Бѣлый, З. Гиппіусъ, С. Городецкій, М. Лохвицкая, Игорь Сѣверянинъ.)

№ 18-19. Гр. Ал. К. Толстой. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ.

№ 20. Тэффи. Стамбулъ и солнце.

№ 21. А. П. Чеховъ. Мелкія пьесы.

№ 22. В. Г. Короленко. Разсказы.

№ 23. Юрій Слезкинъ. Чемоданъ.

№ 24-25. Л. Н. Толстой. Крейцерова соната.

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

№ 106

ГЛѢБЪ АЛЕКСѢЕВЪ

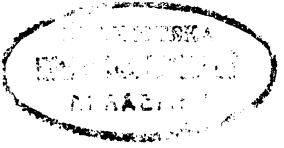
ЖИВЫЯ ВСТРѢЧИ

А. Ремизовъ, гр. А. Н. Толстой, Ив. Бунинъ,
Б. Лазаревскій, А. Каменскій, Андрей Бѣлый,
Ив. Наживинъ, В. Дорошевичъ, С. Есенинъ.

Издательство „МЫСЛЬ“
БЕРЛИНЪ
1923

ПРОВ. 1954
BV
807
Ал

Набор: Типографіи Г. А. Гольдберг
Druck Hempel & Co., G. m. b. H.
Berlin SW 68, Zimmerstraße 7—8

1479
27

О живыхъ встрѣчахъ

Книга эта — книга случайныхъ встрѣчъ, запавшихъ въ память эпизодовъ — и не характеристика творчества того или иного писателя и не біографическая добросовѣстность — ея цѣль. Тотъ кто будетъ искать въ ней датъ, оброненныхъ многозначущихъ цитатъ, критическаго разбора художественныхъ произведеній, подсчета и итоговъ сошедшаго періода русской литературы или субъективныхъ (а слѣдовательно — наивныхъ) провиданій ея завтрашняго дня — ничего этого въ ней не найдетъ.

Неистовы судьбы нашей литературы, какъ неистовы судьбы нашей родины. На трудныхъ путяхъ ея по широкотѣлому полю, еще вчера покорно млѣвшему подъ добродушнымъ русскимъ солнцемъ — сегодня захлестнутому ночью, пожаромъ и смятеніемъ — казалось мнѣ, идетъ прихрамывающимъ шагомъ Человѣкъ и жмуритъ глаза отъ бури, стегающей по лицу. Вокругъ него свистятъ огни, и дымъ пожарищъ свертываетъ тучи, и отъ огней земля и тучи набухли кровью. Искры и пепелъ жгутъ ноги, и тлѣетъ на немъ одежда — и путь черезъ ночь, огни и бурю ему самому не вѣдомъ. Но поступь обожженныхъ ногъ тверда и упряма, какъ твердо біеніе сердца, ибо знаетъ онъ, что вымететъ вьюга дымъ пожарищъ, пройдетъ дождь — и погаснутъ въ немъ угли и пепелъ, а за косыми горбами встанетъ по-утру солнце, и подъ бодрящимъ его взглядомъ вмѣстѣ съ примятой травой, звонкимъ въ утреннемъ холодѣ лѣсомъ,

рѣкой опять нашедшей свои берега — потянется къ солнцу единая на землѣ правда — Живой Жизни.

Объ угляхъ опалившихъ руки Человѣка, о слезахъ, выпавшихъ изъ его глазъ, захлестанныхъ чадомъ и бурей, о первой улыбкѣ, разжавшей Его скорбный, запертый ротъ на холодѣ поднимающаго утра — вотъ о чемъ моя книга.

Глѣбъ Алексѣевъ.

Берлинъ, 1923 года.

Алексѣй Ремизовъ

Въ квартирѣ у Ремизова, Алексѣя Михайловича, подъ потолкомъ, протянуты нитки и веревочки, концами за гвоздики, а по веревочкамъ, какъ по паутинѣ — наближается она къ серединѣ сплетеніемъ хитрымъ, пауку и тому такъ не выплесть — подвѣшены лапки птичьи, голубиныя, ноготками внутрь, на красненькихъ узелкахъ, воробьиныя, сложенныя въ кулачекъ — на бѣленькихъ: воробьиныя онѣ меньше вниманія стоютъ. А межъ лапками — веревочкой за шейку коровки изъ сахару, что хозяйки на пасхальныя бабы лѣпютъ, праздникъ Божій примѣчаютъ, барашки — съ хвостикомъ, какъ крючекъ, кренделькн — слово — буки — азъ и рцы — азъ — мыслете, что и означаетъ Ремизовъ, Алексѣй Михайловичъ. Оно, можетъ, и смѣшно для непосвященнаго, да развѣ сердиться то, сердиться на человѣка, который вотъ и не знаетъ ничего — азъ — мыслете — рцы и буки — азъ и паки буки дубовой душой не чувствуетъ... какъ на такого человѣка сердиться можно: безчувственный онъ. А по стѣнамъ сусальнаго золота листы идутъ — круглые какъ щиты, а на листахъ трубочистъ, съ помеломъ, съ метлой, чумазый какъ негръ, трубочистъ совсѣмъ живой— только игрушечный, а за трубочистомъ пряникъ, да съ медомъ, не какъ нибудь, въ Москвѣ на Поддѣвичьемъ по совѣтскому курсу 52,000 рублей плаченъ. А въ самомъ центрѣ всего птичьяго и пряничнаго переплета, такъ вершка можетъ на два отъ бараньяго рога, въ сусальное серебро

справленнаго — онъ и виситъ. Не очень однако большой, за то пушистый. Съ сѣдинкой. Обезьяньяго царя Асыки собственный хвостъ. Обезволпалъ — по правописанію совѣтскому, что и обозначаетъ обезьянью вольную палату, царемъ Асыкой управляемую, его же никто никогда не видѣлъ, даже знать его смертному простому недоступно — хвостъ же, царскій, канцеляріусу обезьяньему Алексѣю Михайловичу Ремизову впредь до особаго царскаго указа охранять, собственнымъ его величества царя Асыки хвостомъ манифесты скрѣплять, а невѣрующимъ, кои по младости своихъ лѣтъ или еще по заблужденію — буде бытіе обезьяньяго царя Асыки отрицать станутъ — хвостъ этотъ показывать велѣно, слегка, и безъ боли по невѣрующему лбу пушистымъ концомъ ударяя.

Тутъ же за столомъ — царскій приказъ о возведеніи одного молодого писателя въ кавалеры обезьяньяго ордена I-ой степени печатью скрѣпляя, — самъ канцеляріусъ Алексѣй Михайловичъ Ремизовъ сидѣлъ, шифръ ордена по старымъ пергаментамъ провѣряя. Обезьяны нонче, что люди, попортились, то же вотъ грамотѣ разучились, «ахру», — что по обезьяньи «свѣтъ» и «огонь» означаетъ — слово вѣское, жить безъ него и подумать страшно — и то по новой орѳографіи писать стали.

Самъ онъ — канцеляріусъ, махонькій, въ фуфайкѣ, а на плечикахъ пледъ теплый — холодно, чай, въ Европахъ. Очки у него круглые, совьи — ну, вотъ совсѣмъ нѣмецкіе, а надъ очками — два кустика — брови отмѣчаютъ, а подъ очками то же два кустика, выстриженныхъ до пупырушковъ, на усахъ приходятся. Обличьемъ — можно сказать, гномъ — въ кустарникахъ, да по опушкамъ такіе вотъ шатаются, похохатываютъ, кулачками по стволамъ стучатъ, травами — муравами по лѣсамъ завѣдуютъ, солнечными зайчиками, когда сквозь потолокъ лѣсной на

хбою внизъ просыплются, распоряжаются, въ солнечные зайчики игру ведутъ. Какъ по Руси желѣзную дорогу повели — всѣ гномы въ лѣса ушли, на берегъ озера, гдѣ китежъ на днѣ спитъ, а какъ революція запалила землю — совсѣмъ ихъ и не видно стало, запрятались по трущобамъ, подальше отъ духа человѣчьяго, кровью загулявшаго, отъ пожаровъ, затрещавшихъ по лѣсамъ. Гномы то и надумались. «Ахру» — свѣтъ, не стало его въ человѣческомъ сердцѣ, тухнетъ - потухнетъ, вотъ вотъ зальютъ его кровью люди. Оттого царь Асыка, вольной обезьяньей палаты государь — въ дремѣ лѣсовъ непроходныхъ, въ пущахъ да въ тайгахъ и повелѣлъ: палату обезьянью заложить, гномовъ отъ людского неистовства убѣжавшихъ допустить, а слѣтъ «ахру», угасшій въ рукѣ человѣческой — въ обезьяньей рукѣ, а твердой, въ рукѣ волосатой, а кровью незамоченной возжечь.

Такъ въ приказахъ о возведеніи новыхъ членовъ въ кавалеры 1-ой степени и говорится:

— Свѣтъ, — «ахру» на обезьяньемъ языкѣ именуемый, угаснуть не долженъ. И буде людямъ напередъ непотребнымъ окажется — обезьяньему роду мохнатому держать свѣчу неугасимой настоящимъ приказомъ повелѣно.

Канцеляріусъ — онъ хитрый. И вязь славяжную знаетъ, и іероглифомъ пишетъ, краской пздмажетъ, золотца подлѣпитъ. А если кто не понимаетъ — ласковый. Улыбается и на царскій хвостъ перстомъ указуетъ:

— Вотъ онъ — хранитель свѣта, именуемаго «ахру» — хвостъ обезьяній. Угасили пламенный свѣтильникъ люди.

*

У писателя Ремизова — особая дорога въ литературѣ. Другой по ней и ступить не можетъ—

оступится, а пойдетъ — собьется и заплутаетъ: такія по дорогѣ этой кочки, да дебри, да пущи дремучія, не хуже тайги сибирской. По дорогѣ этой — не быть, лапчатый и узорчатый, а духъ, по дорогѣ этой слово — и каждое слово живетъ, своей тайной палитъ, своимъ языкомъ говоритъ. Робкій — лѣтъ двадцать назадъ — но первый въ русской литературѣ онъ подошелъ къ пѣснѣ, а пѣсня — бубликъ. Разломаешь — хруститъ и вкусная. И отъ бублика — къ легендѣ, отъ легенды къ апокрифу, а въ немъ слово огнемъ ли, кровью ли, а на вѣки вѣчные прописано. Такъ вязью слова и стоятъ какъ войско, или вотъ пшеница въ полѣ — азбука Божья, а поди разбери, что прописано, когда колосъ къ колосу клонется, васильками оплетенъ, макомъ, по межамъ подорожными травами раздѣленъ какъ страница отъ страницы. Кто разъ азбуку понялъ, того ужъ не оторвать, тотъ такъ въ эту глубь и пойдетъ, по слову ремизовскому «заплутаетъ». И въ нее, въ эту небесную азбуку слова, въ глубь слова человѣческаго мимо сегодняшняго человѣческаго быта ушелъ Ремизовъ.

И такъ подошелъ онъ къ сказкѣ, къ пѣснѣ, къ плачу, что творитъ народъ въ полѣ, на жнивахъ, на бабьихъ посидѣлкахъ, ухомъ приникъ и слушаетъ. Запоетъ баба — онъ ей и въ лицо не взглянетъ, какая такая баба пѣсню поетъ — можетъ, рябая, совсѣмъ не стоющая, а гѣсню запомнитъ, сейчасъ на слова подѣлитъ, слова на буквы, а буквы золотомъ на пергаментѣ запишетъ, каждую старательно выведетъ и оживитъ. Разскажетъ ли дѣдъ на пчельникѣ, пасѣчникъ съ бородой сивой, какъ Никола праздникъ свой Николу Вешняго празднуетъ — все Ремизовъ запишетъ, и изъ сказа дѣдова Никола какъ живой показывается, а дѣда самого и позабудетъ: была ль у него борода и какая была борода, Господи! Ну а дѣдъ — извѣстное дѣло, пьяница, два года въ острогѣ сидѣлъ за поджогъ поповскаго дому, тамъ, на каторгѣ, и про Николу

брехать выучился. Это то вотъ Ремизовъ и позабудетъ. Орѣшекъ вылущитъ, а скорлупу броситъ. Яблочко ножичкомъ полируетъ, червячковъ да пятнушки — все очиститъ.

Оттого то онъ и въ сказкѣ весь, оттого то и прошелъ мимо жизни — за орѣшкомъ гнался. Оттого и читатель у него свой — гномъ такой же, что скорлупы не требуетъ, а въ сердцевинѣ толкъ понимаетъ.

*

Я никогда не видѣлъ раньше человѣка, до такой степени влюбленнаго въ слово. Если А. Бѣлаго волнуетъ происхожденіе слова, его ритмика, его музыка, для Ремизова: слово — самоцѣль. У Ремизова оно живое, движется, маленькіе человѣчки ходятъ по его рабочему столу, онъ командуетъ ими, составляетъ шеренги строкъ, арміи книгъ. Онъ не пишетъ, а какъ самъ опредѣляетъ свое творчество — онъ занимается. Сгорбится за столомъ подъ тяжелымъ пледомъ на щуплыхъ плечикахъ, сдвинетъ очки на кончикъ носа, — маленькій, пристальный командиръ гномовъ, птичьихъ лапъ, оживших чертякъ, разставитъ ихъ по шеренгамъ и поведетъ

Я бы сказалъ для Ремизова все равно, что писать. Онъ одинаково не знаетъ жизни, ни той что млѣла подъ добродушнымъ русскимъ солнцемъ на широкотѣлыхъ степяхъ, ни той, что принесла революція, страшной по своему складу, мчащейся какъ бѣшеные кони къ самымъ низамъ, къ пропасти человѣческаго духа. Ему важно какъ писать — изъ неисчерпаемыхъ амбаровъ русскаго языка: народнаго говора и пѣсни, старыхъ, побурѣвшихъ книгъ, апокрифовъ, легендъ, пожелтѣвшихъ бабушкиныхъ писемъ, какъ изъ гнилого, негоднаго зерна — полновѣсныя, здоровыя зерна отбираетъ онъ кропотливо, а отобравъ

— чиститъ ихъ, отшлифовываетъ и гранитъ, а обчистивъ — нижетъ на тонкую нить какъ жемчуга, а нанизавъ, любуется самъ терпѣнію и вкусу мастера, да ясности, да прелести жемчуговъ — словъ многоцвѣтныхъ, перваго самаго неоцѣнимаго богатства нашей непонятной родины.

1922.

Графъ Алексѣй Н. Толстой

Право сейчасъ припомню, когда въ первый разъ меня поразило это удивительное, надолго запоминающееся лицо? То ли въ Москвѣ, въ гомонливомъ кафе «Бома», гдѣ притекая къ ночи, творческая Москва отдавала неизжитой избытокъ никогда не меркнущей талантливости своей, улыбки полнокровной, нутряного своего смѣха. Тогда подъ Толстымъ-бронзовымъ, побрившимся Сократомъ — сидѣлъ Толстой-живой, и дородныя его щеки дрожали отъ довольнаго смѣха, кривя толстогубый ротъ въ улыбку сытаго жизнью барина? То ли въ Кіевѣ, когда на улицахъ и въ министерствахъ пробовали говорить на «мовѣ», а въ паштетныхъ бравые полковники задумчиво теребили оселедцы — онъ, въ мѣховой шубѣ въ развалку плылъ по Крещатику, солидно останавливался у чулочнаго магазина, зябко засунувъ руки въ карманы, и посмѣивался добродушнымъ смѣшкомъ, совершенно отказываясь понимать что «панчохи» и есть по украински — чулокъ? То ли въ шумной Одессѣ, когда во имя спасенія Россіи два присяжныхъ повѣренныхъ, четыре спекулянта и гинекологъ образовали въ «Лондонской гостиницѣ» «Комитетъ спасенія Родины», когда по улицамъ дефилировали губастые сенегальцы и греки въ сѣдластыхъ фуражкахъ, а на молу уже заводили пары иностранные пароходы — онъ первый вникъ въ истую сущность вещей и, забираясь по скользкому трапу на бортъ, хитро щуримъ глаза и улыбался втянувшей толстыя губы

внутрь улыбкой; тогда изъ подъ широкополой писательской шляпы, плотно надѣтой на раскидистые въ кружокъ волосы, глянуло вдругъ лицо хитраго татарина изъ Симбирска съ глазами, зажатыми въ двѣ щелки подъ упрямой линіей подошедшихъ бровей.

Онъ былъ вездѣ, гдѣ было много людей.

Ихъ сіятельство, баринъ, солидно подавшись на задокъ съ Малой Кисловки на дутыхъ заворачиваетъ къ Собачьей Площадкѣ; шляпа по московски ссажена на затылокъ, въ морозъ отворена шуба на груди; у церкви Бориса и Глѣба скинулъ шляпу, покрестился размашистымъ крестомъ; вылѣзъ — не запахнувъ полости, не глядя, суетъ трешку осадившему лихачу. У Ивачува Горнаго на артиллерійской позиціи въ защитной шинели осматриваетъ пушку, побаиваясь не выстрѣлитъ ли она назадъ — прижмуриваетъ глаза при выстрѣлѣ и разѣваетъ ротъ; потомъ послѣ смачной яичницы и крынки молока, окончивъ «боевой» день, въ мягкихъ туфляхъ изслѣдуетъ кровать въ русинской халупѣ, капая стеариномъ на простыню. Качается въ штормъ по Сѣверному морю, подшучиваетъ надъ Немировичемъ-Данченко, застывшемъ въ позѣ адмирала въ чудовищной своей дохѣ на кубрикѣ, а потомъ въ Лондонѣ, съ солидностью инженера-практика осматриваетъ верфи, подъ шумокъ недовѣрчиво ощупывая модели, а самъ дивится, сколько, чортъ ихъ возьми, всѣ эти корабли стоютъ на русскія деньги? Въ лунную прихватившую первымъ морозцемъ ночь, одѣвъ за плечо винтовку прохаживается, поскрипывая ботами отъ парадная до угла въ переулокъ, зорко вглядывается въ освѣщенныя окна, въ пуржистую темь — членъ домового комитета по охранѣ отъ ночныхъ нападеній. Жуетъ бутербротъ съ колбасой, куритъ, но обязанности несетъ ревностно и боится только одного: винтовка можетъ выстрѣлить сама. На засѣданіяхъ домового комитета предсѣ-

дательствуетъ и требуетъ, чтобы члены на ночныхъ дежурствахъ непремѣнно говорили другъ другу пароль.

И онъ всегда рѣзко примѣтенъ на людяхъ. Надменный, замкнутый, нарочито сухой — съ «чужими», людьми не писательскаго круга — его лицо тогда строго, покатая съ четырехугольнымъ лбомъ голова туго поворачивается на шеѣ, отъ 8 до 12 вечера можетъ не сказать ни одного слова — не замѣтитъ. Лихоумецъ, выдумщикъ, балагуръ, — съ людьми ему пріятными, людьми которыхъ пріемлетъ: тогда однимъ анекдотомъ можетъ свалить подъ столъ.

Такимъ именно разноглагольнымъ и пестрымъ, вмѣстѣ съ парнымъ, бытомъ Заволжья, растревоженнаго точнымъ его перомъ, съ тоской «Хромого барина» и порывистостью Касатки, душной какъ прѣль весенней земли — унесъ я образъ его въ изгнаніе и оба: онъ — писатель и я, читатель, подглядывали другъ за другомъ съ добродушной московской ехидцей. Онъ—ея крѣпость родного поля, бытіе обжитыхъ будней Арбата и Молчановки, дородныя щеки и мягкія козьи туфли, я — неувѣренность въ разсказанной имъ и опрокинутой жизнью правдѣ.

*

Часамъ къ восьми подбиралась публика. За генеральскимъ столикомъ засаживался коротенькій Минскій съ плѣшью, отороченной выщипаннымъ годами пепельнымъ мѣхомъ вздыбленныхъ волосъ. Онъ мирилъ, упрашивалъ и объявлялъ собранію о томъ, что Илья Григорьевичъ сейчасъ прочитаетъ намъ стихи. Эренбургъ въ сѣромъ костюмѣ — прейскурантѣ обѣдовъ за послѣдніе двѣнадцать лѣтъ — отсаживался къ незанятому столику и захлебывающимся колотящимся теноркомъ, разсказывалъ о томъ, что земной черепъ треснулъ на двое. 15 молодыхъ людей въ безукоризненныхъ проборахъ сообщали другъ другу приличнымъ шепотомъ о талантливости автора, а десять дѣвицъ млѣли отъ

восторга, благоговѣя передъ очевидной красотой прочтенныхъ стиховъ.

Иногда взмахивая трубкой, какъ шпагой, Эренбургъ вдохновенно объявлялъ:

Метлы бастуютъ. Брезгуя
Мусоромъ пыльнымъ и тусклымъ
Ночи сигаютъ до брезга
Черезъ заборъ на мускулахъ *).

Тогда Минскій, закрывая профиль ладонью, отъ души смѣялся старческимъ рокотливымъ смѣшкомъ, впрочемъ, такъ чтобъ видно было не дальше Венгеровой.

За столикомъ на-противъ сутулится Андрей Бѣлый—глаза его горятъ нестерпимымъ огнемъ, какъ два іюньскихъ свѣтляка, а внѣшность — регента изъ собора, совсѣмъ даже благообразная. Когда его попросятъ, онъ охотно идетъ на эстраду, неторопясь закуриваетъ и вдругъ съ пафосомъ Цицерона взмахиваетъ надъ смолкнимъ собраніемъ:

— Въ вѣчность? Въ вѣчность... на Арбатъ.

Еще поодаль утонулъ въ темнобордовомъ диванѣ водяной гномъ въ подержаной фуфайкѣ и совьихъ очкахъ. Человѣческаго у него осталось только два гастриженныхъ до корня уха, да хохолокъ надъ лбомъ — какъ у годовалаго пѣтушка, завалился въ бокъ. Зажатый двумя солидными дамами рисуетъ потихонечку крестики на бумажной салфеткѣ, молчитъ, иногда вытягиваетъ шею изъ сфетра, чтобы получше слышать, но все равно ничего не слышитъ. Ремизовъ.

Все остальное пространство туго забито вышизанными молодыми людьми и страшно стильными дѣвицами. Видимо, они судьи — слушаютъ очень внимательно, перекидываются многозначущими взглядами, очень эффектно аплодируютъ, въ мѣстахъ глубокихъ и красоты непре-

*) Изъ стихотворенія Б. Пастернака.

рекаемой дѣвицы опускаютъ глаза или вздыхаютъ, смотря по фабулѣ.

«Домъ Искусствъ» въ Берлинѣ.

Межъ столиками на несгибающихся ногахъ, выюся впередъ твердо приподнятую голову идетъ Толстой. Дородный, крупный, лоснящійся здоровьемъ и увѣренностью. На пэнснэ два отсвѣта, за ними глазъ не видно, но въ бокъ — опять двѣ узенькія, по татарски сжатыя щелки.

— Господа, объявляетъ Минскій, Алексѣй Николаевичъ прочтетъ намъ свой новый разсказъ.

И пока прочно, фундаментально, какъ въ купэ на дальное путешествіе онъ устраивается на эстрадѣ передъ уложенной зачѣмъ то подушкой — въ залѣ выравнивается тишина, барышни устремляютъ взоръ, молодые люди, отваливаясь въ креслахъ и небрежно дымя папиросами настраиваются слушать.

Читаетъ о дѣтствѣ, какъ бѣгалъ Никита въ людскую играть въ хлюста, какъ Богу молился о своемъ, дѣтскомъ, забѣжавъ за сарай, гдѣ спадали подъ весенней силой снѣга, и открывалось поле, гудящее весеннимъ паромъ, а надъ нимъ плыло синее облако, все удлиняясь, все увеличиваясь, — захватило все небо, и отъ него перекинулось на поля, зарябившія вдругъ дробью побѣжавшихъ ручьевъ. И о томъ какъ предвидился Никитѣ голубой бантъ, самое большое что онъ понялъ, а когда понялъ — одиноко стало жить.

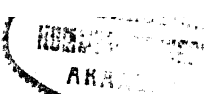
И такой полнотой здоровья, свѣжимъ навозомъ разбухшихъ по веснѣ сараевъ, сухимъ трескомъ спадающихъ капелей и полей, отворенныхъ къ весеннему божьему чуду — пахнуло въ прокуренный папиросами залъ, къ зализаннымъ затылкамъ и вздѣтымъ прическамъ, что я испугался. Господи, зачѣмъ онъ все это?

Но онъ уже сходилъ съ эстрады, скашивая глаза вбокъ на плещущія руки и опять той же твердой, барственной походкой понесъ дородное

тѣло къ выходу. На толстыя его губы заплыла улыбка — и Богъ его знаетъ чему? То ли мускуламъ, что сигаютъ черезъ заборы до брега улыбался, то ли правдѣ той, что жила въ быгіи обжитыхъ будней и опять будетъ жить?

А на эстраду вошла барышня въ канареечно-желтомъ платьѣ, улыбнулась тянущей, растянувшей рыбій ея ротъ улыбкой и разказала стихами о томъ, что у мертвеца былъ зеленый лобъ, и она этотъ лобъ поцѣловала.

1922.

Ив. Бунинъ

Въ маленькой, весьма нескладной передней плутоватая горничная, видимо обыкшая къ посѣщеніямъ молодыхъ робкихъ поэтовъ и оттого усвоившая небрежную манеру обращенія съ ними, пытаетъ меня довольно долго.

— Обождите, повелительно бросаетъ она, скрываясь.

Я жду минутъ пять. Горничная возвращается и ведетъ меня по большимъ комнатамъ, богатымъ и столь же нескладнымъ какъ передняя. Въ одной была, видимо, прежде столовая — по бокамъ какъ гренадеры построились огромные рѣзные шкапы, а столъ по серединѣ убрали. Задержавшись, я силюсь припомнить... Да, вотъ въ этомъ углу, гдѣ сейчасъ стоитъ кресло межъ выпятившимъ полированные бока шкапомъ и двухстворчатымъ дѣдовскихъ временъ окномъ, когда то давно, быть можетъ, въ одномъ изъ бунинскихъ разсказовъ, былъ насыпанъ свѣжій овесъ, а раскрытое окно хлопало подгнившими створками подъ напоромъ легкаго вѣжливаго вѣтра. А въ сосѣдней была зала или диванная — съ потолка свѣсилась люстра съ амурчиками плѣсневѣлой бронзы, по стѣнѣ уходитъ вверхъ лѣстница, и пахнетъ отъ нея прѣлымъ лавромъ и засушенной до мочалы гвоздикой.

Я видѣлъ Бунина въ первый разъ, и до жути поразило меня его лицо: до того казалось оно замученнымъ и задерганнымъ. Лимонно-желтый цвѣтъ придавалъ его дряблымъ нежизненнымъ щекамъ оттѣнокъ стараго слинялаго кипариса, непричесанныя густыя брови свѣшива-

лись на глаза, а подъ глазами — сѣрые запухшіе мѣшки привычной безсонницы. Но въ фигурѣ его — онъ былъ одѣтъ въ легкую черную пиджама — чувствовалась какая то юношеская задорная легкость, да еще едва уловимое благородство жеста. И оно, тонкое какъ ароматъ хорошей сигары, было во всемъ; и въ той непринужденной простотѣ съ какой онъ протянулъ руку и указалъ на кресло, и въ той любовной заботливости съ какой сложилъ бѣлѣвшіе на столѣ листы линованной бумаги, вытеръ золотое перо автоматической ручки, положилъ его возлѣ чернильницы.

— Вы русскій?, спросилъ онъ, подымая глаза.

И говорилъ потомъ какъ много надо работать, и какъ надо работать. Жить — творить, жить — творить...

Я шелъ домой какъ пьяный. Былъ одинъ изъ тѣхъ дней, неожиданныхъ и странныхъ, въ которые въ Одессу приходитъ весна. Еще вчера ходили сердитыя волны по морю, дулъ холодный вѣтеръ, пригибая къ землѣ голыя сучья, моросилъ не то дождь, не то крупа — а сегодня — яркое солнце, въ первый разъ открытыя окна, полопались почки на опрямѣвшихъ вѣтвяхъ. Я шелъ и думалъ о немъ. Сейчасъ онъ остался одинъ, придвинулъ укороченный листъ линованной бумаги. Задумался и куритъ, стряхивая большимъ пальцемъ пепелъ, а мѣшки подъ глазами дергаются, и правый бьетъ — бьетъ въ самый глазъ какъ въ лихорадкѣ. Теперь, пригнувшись къ столу, пишетъ, и подъ золотымъ его перомъ одна за другой встаютъ буквы, прямыя какъ изгородь, сочныя и очень увѣренныя.

*

Въ большомъ залѣ одесскаго литературнаго кружка — шумное собраніе. На предсѣдательскомъ мѣстѣ волнуется Петръ Пильскій, погля-

дывая вбокъ пенснэ своими маленькими пронзительными глазками на заполняющіеся ряды. Рядомъ — шевелятся медузы на склоненной головѣ Кугеля, блестятъ очки и плѣшь Александра Панкратова, то къ одному, то къ другому подсаживается Осиповичъ — подсядетъ, обниметъ пухленькими ручками животъ, а зачѣмъ подсѣлъ не знаетъ самъ. Создается «Свободный союзъ искусствъ» съ отдѣленіями литературы, музыки, живописи, ваянія. Зачѣмъ понадобилось объединяться всѣмъ отраслямъ искусствъ въ одинъ союзъ — никто не вѣдаетъ, но всѣ чувствуютъ себя придавленными событіями и пришедшими въ Одессу большевиками и боятся остаться безъ профессіональной защиты. Собраніе еще не началось: въ секціи литературы произошелъ расколъ, молодые поэты рѣшили образовать собственную «мастерскую молодой литературы», и сейчасъ у нихъ идетъ собраніе въ сосѣдней комнатѣ.

Бунинъ стоитъ въ проходѣ у окна, сложивъ руки на груди. Рядомъ куритъ трубку выхощенный, похожій на моднаго доктора, Нилусъ, на окнѣ потѣетъ въ изодранной своей шубѣ Борисъ Ивинскій — его носъ лоснится отъ жары и волненія, волосы торчатъ во всѣ стороны какъ у дикобраза.

Передъ Буниным качается на каблукахъ плотный маленькій человѣчекъ въ огненной борсдѣ и съ гривой всклокоченныхъ въ войлокъ волосъ — поэтъ Максимиліанъ Волошинъ. Онъ разсказываетъ какъ встрѣтился въ Парижѣ съ далай-ламой, и какъ далай-лама посѣтилъ его мансарду

— А вы увлекались буддизмомъ?, спрашиваетъ Бунинъ.

— О-о!, восклицаетъ поэтъ, я собирался даже въ Тибетъ. Далай-лама прислалъ мнѣ вышитый коверъ....

— Да, говоритъ Бунинъ, все таки изумительная вещь этотъ буддизмъ! Когда я былъ въ Коломбо....

Онъ легонько отбрасываетъ правую руку впередъ, словно боится, что подойдетъ кто нибудь очень близко. На немъ маленькая черная шапочка, какую носятъ адвокаты, и въ ней его лицо меньше и моложе. Узкое, порыжѣвшее воротнику пальто скрадываетъ его фигуру, придавая движеніемъ какую то связанность и неловкость.

— Вы тамъ написали «Братьевъ?», спрашиваетъ Волошинъ.

— Нѣтъ, это послѣ... Когда я былъ въ Коломбо — меня равно поразили и свѣтъ солнца непередаваемый, слѣпящій, и ученіе Будды, въ которомъ много отъ этого слѣпящаго очи и душу солнца... Послѣ, выгружаясь на берегъ, я вышелъ въ Одессѣ какъ пьяный, не могъ глядѣть на освѣщенную землю — все чудился яркій свѣтъ Коломбо... Я хотѣлъ передать этотъ свѣтъ въ «Братьяхъ».

Изъ зала выбѣгаетъ необыкновенно развязный молодой человѣкъ и очень громко кричитъ:

— Господа, что же вы? Задерживаете все собраніе... Но, узнавъ Бунина, осѣкается:

— Иванъ Алексѣевичъ, просимъ.

Бунинъ, не отвѣчая, проходитъ по залу, садится у окна, неловко подвертывая подъ себя полы своего узкаго пальто. Изъ окна на его лицо падаетъ невѣрный зимній свѣтъ, оно кажется еще измученнѣе и сѣрѣе. Въ залѣ плещется разноголосый шумъ, Пильскій безъ устали трещитъ кклокольчикомъ, Панкратовъ вытираетъ плѣшь широкимъ розовымъ платкомъ.

Бунинъ наклоняется къ Нилусу.

— Хорошо бы, говоритъ онъ задумчиво, хорошо бы сейчасъ уѣхать въ.... Грузію.

*

— «Господа, вы понимаете, конечно, что заставило насъ сюда собраться. Я въ тысячу первый разъ повторяю, что сапожники, ткачи и маляры умѣютъ организоваться и защищать свои профессіональные интересы, а мы, литераторы,— не умѣемъ! Мы крестимся только тогда, когда грянетъ громъ, но... тутъ Пильскій поворачиваетъ какъ таранъ свое прострѣленное плечо въ сторону крайне лѣвой — мастерской молодыхъ, я не увѣренъ... произноситъ онъ насмѣшливо, сумѣемъ ли мы организоваться даже теперь подъ яснымъ громомъ? Какъ предсѣдатель собранія я спрашиваю васъ г. г. молодые, угодно вамъ — продолжать обструкцію или войти въ секцію литературы организуемаго свободнаго союза искусствъ?

Петръ Пильскій вѣжливо опирается на столъ и пенснэ отъ плохо скрытой насмѣшки дрожитъ на его носу.

Съ крайней лѣвой разомъ поднимаются три фигуры въ солдатскихъ фрэнчахъ, одна съ затѣйливо припомаженнымъ, достигающимъ бровей капулемъ.

— Нѣтъ, кричатъ онѣ разомъ, не угодно!

— Петя, поощрительнымъ шепоткомъ пытаютъ затѣмъ двое, и впередъ выступаетъ капуль.

— Намъ неугодно, вопитъ онъ запальчиво, объединяться съ вами, старые износившіеся кроты и господа академи...

— Вонъ! Вонъ!

— Личности!

— Призываю васъ къ порядку, господинъ — Пильскій мастеръ выдерживать паузы — поэтъ.

— Намъ неугодно, да!, кричалъ онъ тоненькимъ тренькающимъ фальцетомъ, объединеніе съ вами — смерть намъ! Вы — создатели кружковщины въ литературѣ! Вы забили ее своими патентованными талантами, и вновь не пустите насъ дальше передней... Довольно! Мы — пред-

ставители свободнаго, чистаго искусства, мы — носители и творцы рожденнаго революціей новаго міра не ж-желаемъ....

— Ха-а, задохнулся залъ въ искреннемъ смѣхѣ.

Капуль обидѣлся.

— И вовсе не смѣшно... Отъ имени свободной мастерской молодой литературы объявляю вамъ: вы не писатели, а репортеры.

Въ отвѣтъ въ залѣ безудержно, заливчато, до коликовъ обвалился смѣхъ, но часть публики, повидимому репортеры, угрожающе поднялись.

«Мастерская молодыхъ», звонко задвигавъ сапогами, вышла вонъ въ полномъ составѣ. И этотъ громкій походъ, въ которомъ молодыя энергичныя ноги выразили весь свой протестъ противъ засилья «патентованныхъ» талантовъ въ литературѣ былъ настолько комиченъ, что весь залъ снова шумно и очень искренно разсмѣялся. «Враги» оказались много глупѣе, чѣмъ о нихъ думали.

Я сбоку посмотрѣлъ на Бунина.

Онъ со скучающимъ видомъ глядѣлъ въ окно, но мѣшокъ подъ его правымъ глазомъ сейчасъ нервно дергался, а межъ сѣдѣющихъ бровей набѣжала безпомощная складка. О чемъ онъ думаетъ? Быть можетъ, сейчасъ ему снова пришла въ голову мысль Сутта Ниты, нѣкогда вдохновившая его написать «Братьевъ»:

— Взгляните на братьевъ, избивающихъ другъ друга камнями. Я хочу говорить о печали.

*

Лѣтъ пятнадцать назадъ на большомъ бѣломъ пароходѣ, отплывавшемъ въ Индійскій океанъ, — на палубѣ, держась руками за поручни мѣдныхъ сходовъ, стоялъ Бунинъ. Расчесывая бѣлыя пряди волнъ желѣзной грудью, пароходъ поворачивалъ на югъ — бугшпритъ какъ упря-

мый носъ упирался въ море, — цвѣта фіолетовой шагрени къ вечеру. И когда городъ на невѣрно качавшемся берегу обозначился зернами домовъ — зернами нечаянно разсыпаннаго мака, а вправо сверкнулъ, пробуя новыя свѣчи маякъ, а впередъ разостлалось море — самая просторная дорога къ міру, — онъ снялъ шляпу и повернулся къ берегу.

— Никогда то я не любилъ твоихъ вшивыхъ избъ, о, Родина! Никогда не могъ понять пламенной, исцѣляющей любви къ Тебѣ.

Но тогда впереди былъ «Храмъ Солнца», и вѣковая мудрость человѣчества въ развалинахъ Баальбека лежала за моремъ.

Онъ спустился въ каютъ-кампанію, удобно усѣлся въ углу, за синимъ наглухо прикрѣпленнымъ столомъ, потребовалъ кофе и раскрылъ, наконецъ, маленькую книжечку Саади.

А когда весной 1920 года въ Одессу ворвались добровольцы въ растерзанныхъ шинеляхъ — молодежь съ обвѣтренными лицами, сама не знавшая зачѣмъ она приступомъ овладѣла городомъ, но вѣрящая, что это такъ надо, когда съ облегченіемъ вздохнули сердца, подлинная свобода пришла на смѣну рабству во имя свободы, когда не боясь вышли женщины на улицу въ бѣлыхъ платьяхъ и казалось, что вотъ начнется же настоящая жизнь — старѣйшій изъ русскихъ писателей, онъ слезами привѣтствовалъ шеренги юношей, еще не остывшихъ отъ подвига. Храмъ ли солнца принятой Родины обозначился за плечами дѣтей, согласившихся на жертвенную кровь, крикъ ли упреждающій въ ненужности запоздалой жертвы?

*

Русскій Бѣлградъ спѣшно «разворачивалъ культурныя русскія силы за границей». Для ознакомленія этихъ въ общемъ очень милыхъ, но, право же, малокультурныхъ братушекъ съ

опасностью, какая грозитъ отъ коммунизма всему славянскому міру — два присяжныхъ повѣренныхъ — уже по пять разъ бывшихъ министрами, образовали общество славянской взаимности. Бывшій гинекологъ открылъ газету. Правовѣды — комиссіонный магазинъ. Оставшіеся не у дѣлъ полковники-командиры составляли проекты освобожденія Россіи съ помощью сербской арміи. Два генерала составили заговоръ: возвести на русскій престолъ сербскаго королевича. Изъ Бѣлграда — конечно, ему суждено стать очагомъ русскаго возрожденія, — никто уѣзжать во всякія тамъ сербскія дыры не хотѣлъ, ночевали въ трамвайныхъ паркахъ городской станціи и спасали Россію. Въ промежуткахъ били окна, брали штурмомъ публичные дома, работали надъ проведеніемъ въ порядокъ бѣлградскихъ мостовыхъ — сорокъ динаръ въ сутки и столъ, устраивали публичныя дискуссіи о вредѣ соціализма вообще и о жидо-массонскихъ ложахъ въ частности, крали деньги, которыя отпускало сербское правительство на содержаніе вдовъ, сиротъ и инвалидовъ — и подъ конецъ, совершенно разочаровались: оно, конечно, сербы — славяне, но какъ далеко имъ до пониманія русской души, и Россію съ помощью сербской арміи, пожалуй, не спасти.

Во главѣ всей этой спасающей, развертывающей культурныя силы, въ мѣру, и не въ мѣру ворующей, гніющей, проклинающей, цѣпко ухватившейся за чужую жизнь бѣженской массы, отрыгнутой ураганомъ революціи на Саву, Драву и Мораву — стояло замѣчательное въ своемъ родѣ учрежденіе, именовавшееся въ просторѣчіи «чрезвычайкой» — управленіе правительственнаго уполномоченнаго. Кто уполномачивалъ, какое правительство, и кѣмъ нужно было управлять — было совершенно неизвѣстно, но всякій русскій бѣженецъ былъ обязанъ пройти черезъ ворота управленія, чтобы получить право быть въ Европѣ, подвергнуться дезинфекціи отъ крас-

ныхъ — Боже оборони! — идей и зарегистрироваться. Вѣроятно, это была яма, тотъ самый соръ, который мы, русскіе, умѣемъ заносить такъ далеко отъ избы.

Въ эту яму по дорогѣ изъ Софіи, обобраннаго русскими земляками до нитки, занесло И. А. Бунина.

Два молодыхъ человѣка въ замѣчательныхъ проборахъ спросили въ одинъ голосъ:

— Что вамъ угодно?

И, освѣдомившись, попросили обождать.

Потомъ вышелъ еще одинъ человѣкъ, постарше, и сказалъ, что правительственный уполномоченный проситъ.

— Ваша фамилія?

— Бунинъ.

— Званіе?

— Академикъ.

— По какой спеціальности? Что думаете дѣлать вообще? Имѣйте въ виду, что помощь сербское правительство оказываетъ только вдовамъ, дѣтямъ, сиротамъ. Въ крайнемъ случаѣ нетрудоспособнымъ, но вы, кажется.... Чѣмъ изволите заниматься вообще?

— Да вотъ, сердито отвѣчалъ Бунинъ, пописываю.... Стишки тамъ всякіе, и все такое....

— Ага! Впрочемъ, подайте прошеніе...

— Да нѣтъ ужъ, отвѣчалъ Бунинъ, какое тамъ прошеніе. Въ Парижъ поѣду...

И пошелъ прочь.

Кажется, онъ послѣ извинился — этотъ уполномоченный. Объяснялъ Наживину, что вотъ поди же ты какія неожиданности случаются на Руси: писатель и вдругъ академикъ.

1920.

Анатолій Каменскій

Небольшой залъ Кіевскаго Интимнаго театра биткомъ набитъ. Внизу жужжитъ оставшаяся за бортомъ толпа, волнуются студенты, избирая депутацію къ самому Каменскому.

— Товарищи, захлебывается бѣлобрысый студентишко въ замятой драгунскимъ манеромъ фуражкѣ, скажите писателю, что для насъ лекція имѣетъ воспитательное значеніе. Мѣста молодежи!

Въ фойэ шелестятъ нарядныя дамы, ярко и весело горятъ лампіоны, нетерпѣливый гулъ клокочетъ, стекаетъ внизъ по каменной лѣстницѣ. Самъ Каменскій въ усахъ, только, что вспущенныхъ и приподнятыхъ парикмахеромъ, сытый и гладкій какъ буржуазный котъ, безпомощно отбивается отъ трехъ вихрастыхъ репортеровъ:

— Господа, господа... минуту вниманія... придется лекцію повторить...

И вотъ три звонка и занавѣсъ.

Каменскій сидитъ въ предсѣдательскомъ креслѣ, его окружаютъ волосатые поэты въ экзотическихъ курткахъ и совершенно чудовищныхъ прическахъ. Въ залѣ — тишина. Слѣва — вереница дамъ въ плерезахъ и безъ, съ палантинами и безъ. Ихъ лица, тронутыя пудрой, пунцовѣютъ нетерпѣливомъ румянцемъ, въ затѣненныхъ карандашами глазахъ втягивающіе жадные огоньки.

— Священное животное, произноситъ Каменскій неувѣренно и тихо ведетъ взглядъ по залу: тишина въ залѣ; дамы жмурятся какъ отъ ласковой щекотки, на галлеркѣ порасскрывали какъ

галчата рты попавшіе таки въ залъ студенты: рѣшается проблема пола. И жадная настороженность зала вкладываетъ смѣлость въ уста писателя.

— Женщина, фундаментально выкладываетъ онъ, есть или змѣя или корова.

— Ха — ха? спрашиваетъ съ галлерки чей то басъ.

— Да-съ, подтверждаетъ писатель, въ женщинѣ все материнское — коровье, все что отъ гетеры — змѣиное.... Тутъ онъ очень некстати вспоминаетъ Шопенгауэра. Потомъ Нитцше и Штирнера и почему то даже Платона, на чемъ лекція и кончается, и писатель, поклонившись и не ожидая аплодисментовъ, уходитъ за кулисы.

Вслѣдъ ему поэты и студенты открываютъ пренія. Поэты для чего то читаютъ свои стихи, студенты, оскорбляясь и негодуя, требуютъ чтобы писатель взялъ свои слова назадъ.

— Равно, ни коровой, ни змѣей я не могу признать свою мать — заливчатымъ теноркомъ кричитъ бѣлобрысый студентишко въ драгунскомъ картузѣ.

— Онъ оскорбляетъ чувство любви...

— Пусть беретъ свои слова обратно!

Галлерка дрожитъ отъ негодованія... В — ва — ва — ва — молодой разгорающійся гулъ идетъ оттуда надъ недоумѣвающимъ, разочарованнымъ партеромъ и бьетъ въ сцену, требуя ясности и оправданія.

— О, Господи, вздыхаетъ жена писателя — въ каждомъ городѣ такъ и въ каждомъ одно и тоже....

А справа дама безъ шепчетъ дамѣ въ плерезѣ.

— Съ нимъ всякая корова можетъ стать змѣей...

— Ха — ха...

На сцену неожиданно (и кто его только просилъ?) выходитъ молодой поэтъ съ раздавленнымъ носомъ и копной сѣна на головѣ.

— Господа, заявляетъ онъ, поднимая руку, Анатолій Павловичъ Каменскій отказывается отъ заключительнаго слова и уполномочилъ меня передать вамъ, что онъ самъ видитъ нѣкоторые недочеты въ своей лекціи. Въ будущій разъ онъ ее исправитъ...

*

Накурено, душно и очень шумно. Влѣво — въ залѣ литературно-артистическаго кружка — веселье, съ нѣкоторой, впрочемъ, долей той каторжной отчаянности, съ какой солдаты старательно выплясываютъ трепака послѣ долгаго перехода. Сейчасъ веселье выражается въ томъ, что Иза Кремеръ поетъ, а Соловейчикъ или Рубинчикъ — кіевскіе братья Рубинштейны — вретъ на роялѣ. Въ проходахъ какъ дохлыя мухи скисли репортеры, въ угольномъ креслѣ дремлетъ на диво откормленный стихотворецъ Гарольдъ. Направо, въ маленькой бильярдной, заметая мѣлъ по столу своей сивой бородой и нацѣливаясь въ шаръ Чаговецъ спрашиваетъ Кузнецова:

— А скажи, Степанъ Леонидовичъ, въ Петербургѣ меня знаютъ?

— Знаютъ.

— И въ Москвѣ?

— И въ Москвѣ.

— Да, ну?, изумленно поднимаетъ бороду Чаговецъ, и желтый съ сухимъ трескомъ проваливается въ уголъ.

— Такъ и говорятъ: есть Кіевъ, а во Кіевѣ — Чаговецъ... О, Боже, поможи четырнадцатаго во середину!

Межъ столиковъ идетъ Каменскій. За вчерашнюю лекцію газеты разругали его вдребезги, а Чаговецъ со слезой призывалъ изгнать изъ Кіева Леду во имя Беатриче, увѣряя, что если и псмнятъ еще гдѣ нибудь Беатриче, такъ только въ Кіевѣ. Каменскій знаетъ, что его изругали,

читалъ, осторожненько подходитъ къ столику и садится. Вмѣстѣ съ нимъ — чудакъ изъ гвардейскихъ поручиковъ, въ революцію угодившій въ редакторы. Чудаку не нравится застѣнчивая скромность писателя, и онъ на весь залъ спрашиваетъ:

— Анатоль, ты что будешь кушать? Салатъ или рыбу?

— Погоди, отмахивается писатель и, углядѣвъ меня за сосѣднимъ столикомъ, перегибается на стулѣ.

Сейчасъ его лицо рядомъ: усы дѣйствительно пушистые, приподнятые какъ у гладкаго кота, щечки — два наливныхъ яблочка.

— Мерзавцы, говоритъ онъ тихо, такъ женили, что оглянуться не успѣлъ. По условію — послѣ-сбора ,на дѣлѣ — шишъ.

— Ну, говорю я съ легкой иронiей, за то успѣхъ.

Онъ поднимаетъ голову, и съ большой напряженной болью смотритъ въ упоръ.

— Подсаживайтесь ко мнѣ, говоритъ загѣмъ просто, я завтра ѣду.... в Одессу.

— Анатоль, громко вопрошаетъ гвардейскiй редакторъ, а не пересѣсть ли намъ за другой столикъ?

Каменскiй хитро сощуриваетъ глаза.

— Видали?

— Кого?

— Болвана. Сзади меня сидитъ.

Я посмотрѣлъ на «болвана». Онъ совсѣмъ оторопѣлъ отъ ревности и отъ волненiя даже прижегъ кончикъ носа сигарой.

— Идите. Онъ субсидируетъ?

— Онъ.

— Дай Богъ удачи въ Одессѣ.

Гремитъ рояль: играютъ два Рубинчика невѣроятное попури изъ Листа. Пахнетъ жаре-

лымъ лукомъ. Чаговецъ снялъ пиджакъ и заворачиваетъ «пятнадцатаго». А отмякшій Гарольдъ пишетъ къ завтрашнему номеру стихи на бумажной салфеткѣ:

«Пріѣхала къ намъ Леда,
Пардонъ, мадамъ, безъ пледа»....

1919.

В. Дорошевичъ

Быть можетъ, все это было сказкой. Огромный четырехэтажный домъ на Тверской, полутьма строгихъ редакторскихъ кабинетовъ, тысячами телеграммы и письма со всѣхъ концовъ Россіи, 1.200.000 тиража, — а внизу, подъ землей, ревъ 16 ротаціонныхъ машинъ, отбрасывавшихъ 60.000 экземпляровъ газеты въ часъ. Въ часъ дня телефонъ изъ Петербурга: «Алло, я слушаю»! «Говоритъ министръ Коковцевъ...» По корридору къ редакторскому кабинету, подхрамывая, идетъ старичекъ въ сѣденькихъ, слипшихся какъ пакля букляхъ. «Слушайте, это кто?» «А, Варваринъ!» Варваринъ, ахъ, да В. В. Розановъ. Въ пріемной вытирая плѣшь розовымъ платкомъ высокій человѣкъ съ обликомъ Добролюбова разсказываетъ кому то, что онъ только что вернулся съ голода, и спасъ себя отъ цынги, и смерти апельсинами — апельсины ѣздили съ нимъ цѣлыми ящиками. Тузы и козыри тогдашней журналистики — Вас. И. Немировичъ-Данченко, Амфитеатровъ, Баянъ, Розановъ, Благовъ, К. В. Орловъ, Вилли, Біо, В. Михайловскій, Валентиновъ, Миланъ Боіовичъ, С. Варшавскій, Румановъ, А. С. Панкратовъ — колода картъ нынѣ растрепана вѣтромъ революціи, многія карты оказались биты дождемъ и временемъ. Но тогда это былъ цѣлый городъ мысли — въ него по телеграфнымъ проволокамъ, по рельсамъ, почтовыми трактами плыла жизнь отовсюду: изъ Тулы и Самарканда, изъ Архангельска и Эривани, и двадцать людей, вправивъ не-

умытый ея бытъ въ полосы газетнаго листа, выбрасывали на слѣдующій день 1.200.000 экземпляровъ «Русскаго Слова» на 10.000.000 грамотныхъ людей въ Россіи. Это была сила, и двадцать людей понимали это. Когда на Балканахъ между славянами вспыхнула очередная война — въ редакціи «Русскаго Слова» состоялось засѣданіе: объявлять войну или нѣтъ? Цѣлый день трещалъ телефонъ изъ Петербурга. Десятками отправлялись срочныя телеграммы въ Бѣлградъ и Софію. 1.200.000 — газетныхъ листовъ — ихъ завтра вышвырнутъ 16 ротаціонныхъ машинъ изъ подземелья — это не шутка. Когда однажды въ газетѣ была напечатана телеграмма въ пять строкъ о томъ, что въ Сапожкѣ Рязанской губерніи городской врачъ, заигравшись у протопопа въ преферансъ, опоздалъ на полсутокъ къ больному, и тотъ умеръ — практика, служба, семья, положеніе въ городѣ все оказалось потерянымъ для маленькаго врача, задѣтаго ураганомъ газеты, и онъ застрѣлился. И не разъ сатрапы, повелѣвавшіе цѣлыми окраинами, губернаторы, законодавцы и вседержители Тулъ, Томсковъ или Баку мчались экспресами въ Москву, и въ смутной надеждѣ опровергнуть и еще удержаться; часами высиживали въ пріемныхъ за графинами воды. И не одинъ министръ, открывая утромъ еще пахнущій клейкой краской листъ, торопился пробѣжать его глазами въ боязни обнаружить свое имя...

Это было царство — въ царствѣ, королевство, и въ немъ былъ некоронованный король — Власъ Михайловичъ Дорошевичъ. Невозможно сейчасъ, когда еще не обросла его могила и красные, бѣлые, синіе, зеленые и какіе нибудь фіолетовые еще мечутъ жребій о его наслѣдствѣ, и всѣ пытаются разгадать съ кѣмъ онъ былъ — разсказать объ этомъ крупномъ человѣкѣ, писателѣ, журналистѣ, державшемъ съ помощью имъ же созданнаго «Русскаго Слова» въ своихъ рукахъ среднюю русскую общественность послѣдніе де-

сять лѣтъ передъ войной, и во время войны — до революціи. И это не обычная гиперболика, то что я говорю — передъ свѣжей могилой ушедшаго большого человѣка — историкъ русской журналистики, когда нибудь отмѣтитъ, что въ Россіи было пять-шесть самостоятельно мыслившихъ газетъ, а сотни другихъ въ Орлахъ, Ярославляхъ, Варшавахъ и Ташкентахъ только приспособлялись къ лицу «Русскаго Слова», «Русскихъ Вѣдомостей», «Рѣчи» или «Новаго Времени». Рѣдкій фельетонъ Дорошевича, Варварина-Розанова, Баяна или Амфитеатрова не скользилъ съ листа «Русскаго Слова» въ 15 — 16 провинціальныхъ «Словъ» и «Вѣстниковъ», и кличъ, брошенный газетой, тотчасъ какъ разсыпанный горохъ стрекоталъ въ десяткахъ повременныхъ изданій по всему лицу страны.

Старая жизнь догнивала. Западъ ли, Востокъ? — но заложенный Петромъ бытъ вымельчалъ, разсвѣтился — слинявъ, обнаружилъ пустырь, а надъ нимъ хитренькіе прищуренные татарскіе глаза. Недовольство сегодняшнимъ укладомъ росло, въ ногу ему шла вся русская печать — слово критики и протеста, возбуждая и натравливая. Что будетъ завтра — она не знала сама, но она твердо знала, что сегодняшнее надо разрушить, раздавить. И она давила, ничего не обѣщая взамѣнъ. Торопилась изжить сегодняшній день, сама не зная завтрашняго. Такое было лицо и у «Русскаго Слова». Въ этомъ когда нибудь станетъ времени разобраться спокойно: но пепелящій бунтъ революціи подготовили не только война или Керенскій, а и эти вотъ 1.200.000 экземпляровъ «Русскаго Слова», страшныхъ въ рукахъ у В. М. Дорошевича, угадавшаго чутьемъ журналиста бунтъ русскаго будущаго и пошедшаго съ нимъ въ ногу по жестокому пути.

Зажженное шорохомъ гимназическихъ винтовокъ въ кубанскихъ степяхъ — бѣлое движеніе разросталось. Бѣлыя войска подходили къ Орлу. Къ своимъ помѣстьямъ возвращались помѣщики съ отрядами чеченцевъ и ингушей. Газеты били въ барабаны, въ штабахъ разрабатывались планы наступленія, только наступленія. И когда Мамонтовъ вырвался въ тылъ Тамбову — слышно было отъ Дона какъ въ Москвѣ напрятлись колокола, еще двѣсти верстъ, и въ восторгѣ они зазвонятъ сами, треснутъ на двое отъ восторга.

Въ театрѣ жеманная красавица склонясь къ Деникину спросила:

— Ваше Высокопревосходительство, когда мы будемъ въ Москвѣ?

Деникинъ нагнулся къ Романовскому:

— Ваше Превосходительство, гдѣ мои орлы сейчасъ?

— Въ Орлѣ, ваше высокопревосходительство.

— Черезъ двадцать два дня, мадамъ.

Въ эти дни одного намека на розовый цвѣтъ было достаточно. чтобъ повиснуть на ближайшемъ фонарѣ. Была какая то ожесточенная радость пополамъ съ безумiемъ, неодолимая увѣренность правоты бѣлаго дѣла. И центромъ ея — излучающимъ спектромъ былъ Ростовъ на Дону. Это былъ городъ святыхъ, обезпамятѣвшихъ отъ подвига и проходимцевъ. обстригавшихъ отъ бѣлаго знамени купоны. Городъ юродивыхъ, мечтателей съ неподвижными обреченными глазами, свѣтлыхъ юношей покорно погибавшихъ «за идею», городъ страданія, очищавшаго и яма, кишѣвшая червями, вертепъ сволочи, стащившейся со всѣхъ концовъ Руси. Альфонсы, шулера, пропойцы, шпіоны. предатели, убійцы, каторжане... Энтузіасты. дѣти, мечтатели, блаженненькіе, пророки... Все завилось въ одинъ вѣтеръ, и въ вѣтрѣ нельзя было разобрать: — гдѣ начинается подвигъ и кончается под-

лость? Какой страшный танецъ любви и ненависти, подвига и предательства!

Дорошевичъ очутился въ этомъ городѣ неожиданно, кажется его подобрали гдѣ то на путяхъ къ Москвѣ. Высокій, сильно похудѣвшій — костюмъ висѣлъ на немъ какъ на костылѣ, онъ проходилъ по Садовой мимо «Освага», лабораторіи бѣлой мысли, останавливаясь передъ входомъ — въ домъ спѣшили профессора, барышни, ладно обряженные полковники, изъ оконъ стрекотали пишущія машинки, множившія статьи для осважныхъ газетъ. Онъ останавливался — и подъ мясистымъ, свисавшимъ на толстыя губы носомъ, колеблясь, проходила улыбка. Какимъ, должно быть убожествомъ казался ему этотъ домъ подмѣнившій его «Русское Слово?» Потомъ онъ шелъ къ вокзалу — онъ жилъ у журналиста, мечтавшаго на деньги донскихъ мукомоловъ создать въ Ростовѣ газету, которая поколебала бы міръ величіемъ русской революціи. Два старика — они пили чай и разговаривали. Одинъ что то понялъ: бываетъ, что шумъ бури встающей за лѣсомъ похожъ на трескъ проходящаго поѣзда и человѣкъ подумаетъ, что это идетъ поѣздъ за лѣсомъ и испугается когда надъ головой обнажится молнія, а другой пойметъ раньше, и громъ для него не внезапенъ. Можетъ быть, Дорошевичъ понималъ что нельзя безнаказано палить пушками даже въ небо, что на войнѣ если долго стрѣляютъ въ одномъ мѣстѣ на слѣдующій день идетъ дождь.

Я думаю, что въ немъ жило это сознаніе пушкаря. Революція не была для него неожиданностью — кто лучше него умѣлъ угадывать протестъ массъ противъ застоявшихся, загнившихъ формъ русскаго быта, ранѣе его, вправлявшаго этотъ бытъ въ душу средней Россіи—«Русское Слово». И мрачное величіе, ударъ валящій съ ногъ, работу подъ корень — если не благословилъ, то во всякомъ случаѣ предвидѣлъ и

оправдалъ. «Журналисты великой революціи»: Дантонъ, гордо отвѣчающій на судѣ на вопросъ о годахъ: «Мнѣ столько же, сколько было и санкюлоту Іисусу когда онъ умеръ: тридцать три!» мертвая рука Марата сжимающая и въ гробу страшное орудіе журналиста: желѣзное перо, Робеспьеръ — имъ отдалъ послѣднюю соловьинную пѣсню своего творчества В. М. Дорошевичъ. Это были журналисты, сумѣвшіе пойти впереди, и даже Наполеонъ для него не болѣе какъ журналистъ. сумѣвшій «Ужиномъ въ Боккерѣ» создать Наполеона-императора.

Объ этомъ онъ прочиталъ въ Ростовѣ на Дону лвѣ лекціи. Еще тогда я все дивился почему Дорошевича не арестовали? Онъ упреждалъ собравшихся профессоровъ и спасателей отечества, что революцію не могутъ остановить ни бѣлыя ни красныя знамена и ходъ ея точенъ, какъ ходъ времени. Людямъ, въ которыхъ въ каждомъ угнѣздился маленькій комнатный Наполеонъ, онъ разсказывалъ, что Наполеонъ — не конецъ революціи, а ея зенитъ, и въ этомъ страшномъ взмахѣ ея само солнце, вздѣтое страданіемъ въ высоту, не знаетъ куда склониться — впередъ, еще впередъ или назадъ? Но въ Ростовѣ на Дону доносился тогда звонъ кремлевскихъ колоколовъ, изъ тысячи проектовъ спасенія Россіи долженъ былъ выиграть хоть одинъ, и, кажется, тамъ ничего не поняли.

Послѣ лекціи я зашелъ къ нему въ уборную. Онъ переодѣвался — тоненькій и худой. Съ нимъ былъ какой то человѣкъ, подавалъ ему фуфайки. полотенца. Кто его знаетъ, — откуда онъ? Мнѣ показалось, что онъ хитрый, онъ такъ нехорошо улыбался. И я побоялся спросить въ его присутствіи о томъ, о чемъ такъ хотѣлось разспросить этого большого человѣка, умѣвшаго чутьемъ журналиста угадать завтрашнее настроеніе толпы.

Въ Севастополѣ на приморскомъ бульварѣ, во время Врангеля, въ солнечные дни можно было встрѣтить женщину, увязанную бѣлымъ платкомъ по самыя брови. Она съ трудомъ подвигала впередъ коляску, въ которой сидѣлъ высокій, высохшій, плохо выбритый человѣкъ въ рваной англійской шинели, порыжевшей отъ грязи и солнца. Большой велосипедный шлюпикъ въ веселую клѣтку покрывалъ голову человѣка какъ масляничный блинъ, онъ курилъ и былъ задумчивъ и не разговорчивъ.

Иногда онъ просилъ:

— Ольга Николаевна, подвези меня ближе къ газонамъ. И такъ оставь.

Тогда женщина, тужась, катила коляску ближе къ травѣ, сама садилась на землю, прислонясь головой къ его колѣнямъ, укутаннымъ въ пледъ, и оба они молчали, глядя какъ далеко и спокойно плещетъ поголубѣвшее въ полдень море.

Иногда женщина спрашивала:

— Помнишь, какъ мы изъ Москвы ѣхали на автомобилѣ въ Біарриць?

Мужчина молча кивалъ головой.

— Тогда море тоже было спокойное, спокойное.... Еле слышно журчало у ногъ. Какъ ручейки...

Какъ человѣка, революція его сломила.

1922.

Борисъ Лазаревскій

Въ шикарномъ кабинетѣ «Метрополя» шелъ банкетъ по случаю открытія въ Кіевѣ новой газеты. Заданія новаго печатнаго органа были очень неясны, и оттого группа будущихъ сотрудниковъ, собравшаяся «объединяться» была весьма пестрой. По лѣвую руку отъ редактора, сильно напоминавшаго длинноволосаго галиційскаго раввина, сидѣли тузы отъ литературной части— Ратгаузъ, Каменскій, Плещеевъ, Краснопольская, Колышко, и тутъ же я увидѣлъ В. А. Лазаревскаго. Онъ былъ одѣтъ въ мундиръ морского офицера, который сидѣлъ на немъ какъ на полковомъ докторѣ: мѣшкомъ впередъ. Его добродушные хохлацкіе усы, уже заплетенные слегка бѣлыми нитями, свѣшивались надъ тарелкой съ салатомъ, который онъ подъ шумокъ разсматривалъ прежде чѣмъ отвѣдать. Было пьяно и шумно, но прилично: литераторы никогда не выходятъ изъ границъ приличія въ присутствіи женщинъ. А здѣсь помимо Краснопольской, блиставшей простотой обращенія и новымъ шелковымъ платьемъ, были еще двѣ барышни — переписчицы. Онѣ сидѣли рядомъ, робко ежась и не зная куда дѣвать руки; маленькая Анечка впилась глазами въ Каменскаго, задыхаясь отъ мысли, что это тотъ самый, Марья Антоновна все пыталась повнимательнѣе разсмотрѣть Лазаревскаго, да такъ и не осмѣлилась.

Банкетъ былъ въ самомъ разгарѣ: официанты снимали съ окна одну за другой привѣтливыя запрещенныя бутылки. Пѣлъ стихи подъ гитару де-Лазари, разсказывалъ сценки изъ еврейскаго быта Иванъ Руденковъ, также

почему то попавшій въ сотрудники. И уже на чали съ концовъ стола раздаваться самоувѣренные твердые голоса:

— Наша газета!

— Мы должны показать провинціаламъ, что значитъ столичная печать!

Офиціанты внесли кофе.

Анечка и Марія Антоновна встали и перешли къ дивану. Я посмотрѣлъ на нихъ пьяными невѣрными глазами, и сейчасъ, въ мужскомъ обществѣ, нетрезвомъ, но благодаря имъ прилично-шумномъ, какими милыми показались ихъ простыя лица. О! — онѣ не знаютъ кулисъ и терній литературы, онѣ не научились — и не научатся, Богъ дастъ, отличать писателя-творца отъ писателя-человѣка и, кто знаетъ, быть можетъ, одинъ изъ яркихъ вечеровъ ихъ жизни подарила имъ судьба сегодня? Отъ стола поднялся Лазаревскій и подошелъ къ нимъ, съ той подкупающей простодушной улыбкой, съ какой, быть можетъ, онъ одинъ изъ писателей и умѣлъ подойти къ женщинѣ?

— Вы наши?, спросилъ онъ и довѣрчиво притронулся къ рукѣ Маріи Антоновны.

А спустя пять минутъ сидѣлъ межъ дѣвушками и своимъ отрывистымъ, не знающимъ придаточныхъ предложеній языкомъ, разсказывалъ какъ былъ въ войну на крейсерѣ и плавалъ по Черному морю.

— Я провелъ на немъ первые дни революціи.

— Да? Это страшно?, тихо спросили дѣвушки.

— Да.

— И вы напишете? Правда? Вы докажете имъ, что даже во имя самыхъ святыхъ цѣнностей нельзя человѣка лишать жизни...

Марья Антоновна ухватила писателя за руку, розовое отъ гнѣва лицо близко придвинула къ его усамъ. И я примѣтилъ какъ лицо Лазаревскаго измѣнилось, подъ усами прошла ко-

роткая грустная улыбка, а въ глазахъ обозначились привычные, но неувѣренные сейчасъ огоньки. Онъ неопредѣленно кивнулъ головой и задумался. А я хотѣлъ встать, подойти къ дѣвушкамъ и сказать:

— Милыя дѣвушки, нѣтъ! — онъ ничего не напишетъ ни о революціи, ни о крейсерѣ. А если напишетъ — это не будетъ разсказомъ Лазаревскаго. За то онъ напишетъ о васъ, славныя дѣвушки, разскажетъ неприхотливо, но нѣжно о томъ, что вотъ сегодня въ чужой ему атмосферѣ нарождающейся газеты, подъ громъ и блескъ умныхъ рѣчей, двѣ дѣвушки, обыкновенныхъ и будничныхъ какъ рядовой весенній день, смогли стать необыкновенными и затронули въ сердцѣ писателя близкія къ дѣвичьему сердцу завѣтныя струны.

*

Съ тѣхъ поръ отошло больше года. Палъ гетманъ, разсѣялись по безчисленнымъ «куренямъ смерти» казаки Петлюры, рванувшіеся до Орла спѣшно скатывались назадъ бѣлыя арміи Деникина. Центръ вооруженныхъ силъ Юга Россіи — Ростовъ на Дону трепеталъ къ тому времени могучей тревожной жизнью. Отовсюду въ него отбиралась русская интеллигенція, сотни лекцій о способахъ возрожденія Россіи читали профессора, кишѣлъ какъ муравейникъ «Освагъ» на Садовой молоденькими барышнями и полковниками въ новенькихъ англійскихъ френчахъ, десятками шумѣли газеты, по всѣмъ направленіямъ гудѣли какъ шмели агитаціонные поѣзда, по всѣмъ направленіямъ пронося трехцвѣтный и новый — возрожденія — бѣлый флаги. А по вечерамъ, когда электрическія солнца качались въ сѣтчатой мглѣ моросившей осени, въ безчисленныхъ ресторанахъ звенѣли тосты во имя и за счетъ Россіи, хлопали выстрѣлы бушевавшихъ «шкуринцевъ», для «поднятія духа» ге-

нералы плясали лезгинку на улицахъ, въ темныхъ переулкахъ ухали выстрѣлы бандитовъ.

Красные все шли и шли.

Уже надломилась воля къ побѣдѣ, но никто не смѣлъ видѣть этого. «А какъ же дальше?» — неумолимый поднимался вопросъ, дальше ничего не было, и думать о немъ было нельзя. Всѣ боялись вѣрить въ гибель, но знали что она придетъ.

И она пришла, наконецъ, девятнадцатаго декабря.

Я лежалъ въ ту пору въ тифу въ маленькой квартиркѣ дьякона Успенской церкви, зная что меня ждетъ и ни на что не надѣясь. Дьяконъ ушелъ въ церковь закапывать деньги подъ половицу. Со стеколъ подъ талыми пятнами оттепели соскальзывала внизъ капель, шлепаясь съ трескомъ о подоконникъ... По городу отступали войска. Сплошной лавой подвигались сцѣпившіяся подводы, — впередъ выпертыми крупами коней, вздѣтыми оглоблями; нетерпѣливые рубили постромки и мчались куда то; торопились женщины въ платкахъ, съ дѣтьми, солдаты въ разстегнутыхъ шинеляхъ, безъ поясовъ... Промчалась мимо колымага, а на ней, на скарбу, страшная старуха, сосредоточенно оскаливъ зубы, подалась впередъ; и шляпка ея, съѣхавшая на лобъ, тряслась въ тактъ колесамъ. Рядомъ шелъ солдатъ въ буро-кровавой шинели и ѣлъ хлѣбъ, отхватывая большіе бѣлые куски.

Я на локтяхъ поднялся къ запотѣлому стеклу.

Вдругъ постучались, и въ комнату вошелъ Лазаревскій. Онъ также работалъ въ какихъ то ростовскихъ журналахъ, я ждалъ его сегодня. Его добродушные усы обмяли и теперь висѣли мышиными хвостами. Устало поздоровавшись, онъ присѣлъ на кровать.

— Встаньте, у меня тифъ.

— Э — э, чортъ, замахнулся онъ, не все ли равно.

И задумавшись сталъ слѣдить какъ скользила и падала внизъ капель. Въ комнатѣ было тревожно тихо. Пахло лѣкарствомъ и еще чѣмъ то изъ кухни, гдѣ дьяконница готовила обѣдъ.

— Знаете, вдругъ сказалъ онъ, что объявилъ мнѣ сегодня издатель? «Ваши рукописи, говоритъ, я считаю своимъ священнымъ долгомъ эвакуировать, а васъ? Относительно эвакуаціи личнаго состава я не имѣю никакихъ распоряженій». И это...

Онъ засмѣялся тоненькимъ хныкающимъ смѣшкомъ.

— За двадцать пять лѣтъ литературной работы. Да, именно сегодня... Двадцать пять лѣтъ назадъ въ этотъ день я напечаталъ первый разсказъ. Теперь возрождающаяся Россія...

— Постойте, я рѣзко его перебилъ и, схвативъ за рукавъ, потянулъ къ окну.

Возъ со старухой круто заворачивалъ за уголъ. На моментъ, попавъ въ солнечные лучи, блеснулъ пузатымъ бокомъ самоваръ, потомъ возъ хряснулъ, и самоваръ, швейная машинка, какія то картонки съ потертыми ржавыми боками, мѣшки, дрожащая шляпка надъ желтымъ оскаломъ старушечьяго лица медленно поѣхали внизъ, въ густую промятую грязь.

— Возрождающаяся Россія? спросилъ я, дыша ему въ лицо горячечнымъ тифознымъ дыханіемъ.

— И то правда! — воскликнулъ онъ.

И вдругъ повернувшись къ двери весело закричалъ дьяконницѣ:

— А не дадите ли, и мнѣ тарелочку супу ради юбилея?

Иванъ Наживинъ

Добровольческій Новороссійскъ разлѣзался по всѣмъ швамъ. Утерявшая «волю къ побѣдѣ» масса, докатившись до моря, вдругъ почуяла себя ничѣмъ не связанной, туманные лозунги: «за спасеніе Россіи противъ большевиковъ», «по стопамъ Корнилова», лишенными всякаго смысла, и каждому стало дико, каждый былъ озлобленъ за то что самъ по своей волѣ бросилъ тепло родного города, семью, службу, скитался семь мѣсяцевъ въ безсмысленной сутолокѣ гражданской войны, а теперь очутился у моря, взъерошеннаго какъ ежъ въ глухую декабрьскую ночь.

По улицамъ шлялись безъ поясовъ солдаты — первый признакъ скораго пораженія. Въ пекарняхъ, подвалахъ, общественныхъ уборныхъ, всюду гдѣ только могла ступить нога, ночевали люди. Въ кафе французскіе матросы въ красныхъ шапочкахъ съ симпопошками, развалясь, лихо вымѣнивали франки. Рвалъ нордъ-остъ, сворачивая газетные кіоски, и волны, вспѣниваясь, намерзали на берегу затѣйливыми узорами.

И вотъ въ одну изъ такихъ ночей разрѣшились это болѣзненное недоумѣніе и обида — казалось, само небо разорвалось отъ выстрѣловъ. Они хлопали по одному, гулко взваниваясь въ окно. Сшибались десятками и барабанной дробью раскатывались по переулкамъ. И вдругъ, быть можетъ, сто или двѣсти, сбившись въ одинъ протяжный гудъ, захватывали дыханіе...

Мы ночевали въ редакціи «Русскаго Времени» — двадцать человѣкъ. Въ дальнемъ углу укладывался на столѣ Александръ Яблоновскій

— хлестнулъ ревъ винтовокъ у выходныхъ дверей, онъ приподнялся на локтяхъ и не мигая глядѣлъ въ окно. Коротенькій Вильямъ кипятилъ чай на канфоркѣ. Трое молодыхъ зачѣмъ то писали. А отъ оконъ, «подвальнымъ этажемъ», голова въ головѣ, не снимая сапогъ, заваливались на полу люди, безконечно счастливые, что ночь довелась подъ крышей, пахнущіе дождемъ и старой скислой испариной.

Я лежалъ на столѣ на ворохѣ отпечатанныхъ къ завтра номеровъ. Голова глухо стучала отъ выстрѣловъ. Я зналъ, что у меня жаръ и, вѣроятно, тифъ. Усиліемъ отупѣлаго мозга думалъ: надо выйти, вотъ — тифъ, а здѣсь дѣти. «Но куда-жъ уйти въ ночь? Куда уйти вообще»?

На столѣ напротивъ шевельнулась фигура подъ добропорядочной «буржуйской» шубой, откинула укрывшій голову воротникъ, и высунула впередъ скуластое въ обтесанной бородкѣ лицо.

— Какъ?, спросила она грубо.

— Плохо.

— Должно тифъ...

— Можетъ и тифъ, отвѣчалъ я устало.

— Утромъ въ больницу, донеслось отъ стола Яблоновскаго.

— Въ больницахъ уши къ кроватямъ примерзаютъ, отозвалась опять борода изъ подъ шубы и засмѣялась злымъ колотящимся смѣшкомъ.

Потомъ онъ сѣлъ на столѣ и сквозь горячечную тифозную дрему я его узналъ. Иванъ Федоровичъ Наживинъ. Впрочемъ, кто не ночевалъ въ этомъ единственномъ въ Новороссійскѣ литературномъ углѣ?

— А все свобода!, сказалъ онъ съ глухой злобой, сво-бо-да... Хе-хе-хе... Не хорошъ? Не хорошъ Николаша—сами... с-сукины дѣти... вотъ... достукали...

Тр-р-рахъ хлопнуло по окну залпомъ, и мигающіе рожки дрогнули на стѣнахъ.

— О, Господи!...

Это рядомъ кто то.

— Свобода? О, сво-ло-чи... мерз-завцы...

Онъ поднялъ кулакъ и погрозилъ имъ кому то. Кулакъ освѣтился въ желтой полудремѣ какъ слоновая кость.

— Де... царя имъ, мерзавцамъ... вотъ — не стоять больше...

— Но позвольте!

Тр-рахъ шлепнулось въ стѣну и сразу открылась тишина. Чуткая какъ волосъ и напоженная.

Онъ еще подождалъ немного и сталъ тихо разсказывать:

— Когда я былъ у себя, у владимірскихъ... Знаете, какъ они разсуждаютъ? Пусть будутъ совѣты, а надъ ними республика, а въ республикѣ царь, хе-хе-хе... Да такой, чтобъ какъ грякнетъ кулакомъ по столу — всѣ округъ окорачь попадали....

Коротенькій Вильямъ оторвался отъ чайника и угрюмо спросилъ:

— Иванъ Федоровичъ, вы же сами были не то анархистомъ, не то эсеромъ.

— Да, крикнулъ онъ запальчиво я говорю, что всѣхъ ихъ... всѣхъ...

Задохнулся и не досказалъ.

Но жизнь за окномъ отвѣтила сплошнымъ ревомъ выстрѣловъ, съ неудержной силой рванувшихъ въ черное, загулявшее нордъ-остомъ небо.

1921.

Сергѣй Есенинъ

Въ продолговатый корридоръ, похожій на саркофагъ, выдѣланный изнутри мраморомъ тяжелопузыхъ колоннъ, бронзой дверныхъ ручекъ, надписей на тоненькихъ какъ страусова нога цоколяхъ, стрѣльчатыми, раскоряченными лапами часовъ, торопясь входили люди, озабоченно разговаривали съ людьми, сидѣвшими въ камерахъ, зашнурованныхъ надежной рѣшеткой, похожихъ на клѣтки, шарили въ карманахъ, вытаскивая помятые, шуршащіе документы, укладывали въ портфели деньги, вынимали ихъ зелеными, туго и накрестъ обинтованными пачками, потомъ озабоченно уходили. Нутро большого торговаго города стекалось сюда всѣми своими ручьями — однимъ приносся богатство, другимъ разореніе, словно это была станція, а поѣздъ-биржа — сотней телефоновъ и телеграфовъ связанный съ нутромъ саркофага, проносился рядомъ, уловимо близко. На выгнутыхъ съ рѣзными спинками скамейкахъ, дожидались хорошо обряженныя дамы съ открытыми почему то ретикюлями, старушки — въ чопорныхъ, немнущихся на колѣняхъ платьяхъ, мимо неторопливо прохаживались мужчины съ портфелями, исподволь слѣдя за стрѣлкой наползавшей къ I — въ часъ банкъ закрывался.

Часовъ въ 12, когда движенія спокойныхъ людей, сидѣвшихъ въ камерахъ, вдругъ стали нервными, а у окошекъ выгнулись хвосты появившихся опоздать — въ банкъ вошелъ человѣкъ въ велосипедномъ плюшкѣ, насаженномъ на затылокъ, въ широкомъ англійскомъ пальто, об-

висшемъ на немъ какъ колоколъ и въ бѣлыхъ, парусиновыхъ, окаченныхъ автомобильной грязью ботинкахъ. Онъ въ нерѣшительности остановился возлѣ швейцара, снялъ шлюпикъ и, держа его въ рукѣ, пошелъ было ближе, но потомъ раздумалъ, сѣлъ на стулъ и внимательно осмотрѣлся вокругъ. Его волосы, кружкомъ скатившіеся на лобъ, доставали почти до бровей, безцвѣтныхъ и бѣлесыхъ, вокругъ глазъ набѣжали морщины и, набѣжавъ, затвердѣли рагугой. Онъ въ нерѣшительности мялъ картузъ, въ бокъ поглядывая на дѣловую толпу, самъ ей чужой, будто испугавшійся ея планомѣрнаго бѣга, въ которомъ каждому было свое мѣсто, и не было лишь ему. Потомъ онъ досталъ папиросу, закуривъ — широкимъ жестомъ отшвырнулъ спичку на колѣни сидѣвшей напротивъ дамы съ птичьими крыльями на шляпѣ и куря, сталъ выпускать дымъ въ сторону — въ желтое и лысое какъ бильярдный шаръ лицо сосѣда — крѣпкій садящій дымъ махорки Р. С. Ф. С. Р., купленной только вчера въ Москвѣ. Казалось, что человѣкъ въ шлюпикѣ съ интересомъ наблюдать, что произойдетъ дальше. Остановятся стрѣлки часовъ, люди выскочатъ изъ за рѣшетокъ, дама, которой спичка упала на колѣни, скользнетъ со стула въ обморокѣ, а нѣмецъ, зачихавшій, въ крѣпкомъ дыму Р. С. Ф. С. Р., поднимете трость — человѣкъ въ шлюпикѣ улыбнулся, закладывая ногу на ногу, бѣлымъ ботинкомъ на колѣни. Но нѣмецъ, снявъ шляпу, учтиво пробормоталъ — Verzeihung, и пересѣлъ на другое мѣсто.

Тогда рядомъ съ человѣкомъ въ шлюпикѣ выросъ сторожъ — въ длинноломъ мундирѣ, прокрашенномъ начищенной мѣдью пуговицъ, посмотрѣлъ пристально на бѣлые ботинки — и они сами скользнули къ полу, въ надлежащее положеніе. Человѣкъ въ шлюпикѣ застѣнчиво улыбнулся и, вставъ, подошелъ къ кассѣ. Тамъ онъ попробовалъ съ помощью рукъ что то растолковать кассиру, совалъ ему подъ носъ билеть

и кипу какихъ то удостовѣреній, потомъ усталъ и, махнувъ рукой, неловкой походкой пошелъ къ выходу.

Я узналъ его и нагналъ у дверей.

*

Онъ все такой же — не выросъ, маленькій, какъ въ Москвѣ лѣтъ семь назадъ, все также удивляются его глаза, и застѣнчива улыбка, сдвигающая къ рѣсницамъ кольца обвѣтренныхъ морщинъ. Если бы снять съ него пальто, да на ладный кружекъ кучерскихъ, непослушливыхъ волосъ насадить картузъ по брови — звонилъ бы онъ у Николы на Посадяхъ, самъ удивляясь какъ изъ подъ мѣдныхъ дылдъ, болтающихся въ рукахъ на веревкахъ, слетаютъ внизъ согласные звуки малиноваго звона. Если бы снять съ него бѣлые ботинки, да въ опоркахъ на босу ногу съ длиннымъ кнутомъ, обжигающимъ какъ выстрѣлъ, пустить по плотинѣ въ вечерній часъ, когда по надъ рѣкой играетъ бубенцами стадо, а окна деревенскихъ хатъ, что красный макъ на солнцѣ — пѣлъ бы онъ пѣсню, пастушенокъ, пѣлъ бы онъ звонкую, и бабы, возвращаясь съ жниковъ, разломавшихъ бедра, и старики, поджидающіе стадо у плетней улыбнулись бы молодости, порадовались жизни, простой и понятной подъ крестьянскимъ небомъ. Если бъ снять съ него городской нарядъ, да въ степь — на связку разбѣгающихся дорогъ, подъ вѣтеръ, шипящій растревоженнымъ кустарникомъ, выпустить съ ножемъ въ голенищѣ — поджидалъ бы онъ купца на тройкѣ, засвисталъ бы товарищамъ въ четыре пальца, подраненаго, въ смертной мукѣ свалившагося въ кузовокъ дорѣзалъ бы — изъ озорства. Такіе — въ бабки здорово играютъ, полкона снимаютъ хоть и махонькіе, грозные атаманы и отрясатели чужихъ яблонь, и дѣвкамъ на селѣ отъ нихъ проходу

нѣтъ. Прежде, когда тракты были, а на трактахъ водка, а на дорогахъ — вольная пѣсня ямщичья, такіе въ ямщики шли. Душу вывернетъ сѣдоку пѣсней, степь заворожитъ, а на юрахъ, да опушкахъ побаивайся, за суму держись крѣпко — знаетъ, что подъ тѣльникомъ зашита, ножичекъ за голенищемъ щупаетъ. Прежде такіе вотъ сами къ монастырямъ приходили, принимали на себя послухъ великій: годъ и два поетъ на клиросѣ, — женоподобный, юркій, да щупленькій, а къ работѣ горячъ, игрушечный монашекъ старцамъ на утѣшеніе, служка игумена самого, а въ одно утро уйдетъ, только и найдутъ на несмятой постели островерхій съ ямкой спереди монашескій наперстокъ. Да развѣ потомъ о. Паисій или о. Аристархъ, собирающіе по дорогамъ на построеніе новаго храма въ обители, повѣдаютъ братіи, что видѣли Сергуньку въ портовомъ городѣ въ кабакѣ, пьянствовалъ съ матросами, на гармоникѣ — чудокакъ хорошо игралъ и ругался словами самыми непотребными. Тѣсно такимъ вотъ тихонямъ въ родномъ селѣ, оттого и шли по шляху да по степи разгуляться забубеные, ласковые пѣвуны, а воры, щупленькіе, а съ ножичкомъ — принимала ихъ потомъ каторга — одна и по плечу, пѣстовала тайга непроходная — одна и по-пѣснѣ: во четыре пальца свистъ. И не разъ крыли они Русь молодецкимъ посвистомъ, по степу погуляли не разъ — Стенькой ли Разинымъ, Пугачемъ Емелькой, Гришкой Отрепьевымъ, — тремя святителями подъяремной тишины.

Мы шли по улицѣ большого города, торопящагося жить. Насѣдая одинъ на другой, подвигались трамваи — вѣроятно, сверху они похожи на звенья перебираемыхъ четокъ. Поспѣшали автомобили, автобусы, пролетки, вздувая щекочущія облака бензинной вони. По улицамъ, мимо оконъ, подъѣздовъ, телефоновъ, магазиновъ стремилась толпа. Жизнь обратилась въ бѣгъ, каждый шагъ — деньги. Онъ шелъ медлен-

ной походкой, въ развалку, какъ ходить умѣютъ только еще въ Россіи. Размахивая шлюпикомъ и улыбаясь, разсказывалъ какъ онъ шелъ завоевывать городъ. О!, какъ всѣ они, эти тихонькіе. его ненавидятъ! — и какъ въ городъ принесъ пѣсню — вѣдь его пѣсня долъ да поле, да лѣсъ въ ржавомъ золотѣ вечера, ну, а лѣса въ городѣ не помнятъ. И вотъ грохоту вправленнаго въ работу желѣза и камня, сердцу большого города, изжившаго единственную человѣческую правду — правду земли, онъ разсказалъ, что электричество еще не убило солнца и зорь его, что автомобиль еще не обогналъ лета стрижа надъ полемъ, что кромѣ трехъ засыхающихъ липъ городского газона есть еще лѣсъ, а въ немъ заблудиться можно, есть еще пѣсня кромѣ граммофона, она плакать заставитъ, да есть еще свистъ соловьиный, разбойничій — эхъ, какъ улюлюкаетъ онъ по лѣсамъ, если выйти изъ переулка, да тропою къ Окѣ ли, къ Днѣпру ли, на Волгу податься! А когда городъ, хоть и революціонный, но не повѣрилъ, какъ не хочетъ и не можетъ вѣрить человѣкъ смерти, Есенинъ вымазалъ дегтемъ ворота Страстного монастыря, переколотилъ булыжникомъ стекла магазина фальшивыхъ брилліантовъ, и издалъ свой революціонный приказъ, что бы «вся сволочь» собралась завтра на Театральную площадь послушать какую онъ споетъ пѣсню, и у пѣсни этой поучиться любить жизнь. Его засадили въ тюрьму, онъ обломалъ въ ней пальцы, пробуя крѣпка ли рѣшетка, и понялъ, что камень въ копьяхъ колоколенъ и музеевъ сильнѣе пастушеской пѣсни, если даже отъ нея плачутъ. И вотъ тихонькій, какъ въ монастырѣ когда то, онъ притворился вѣрующимъ, обрядился въ городское пальто по послѣдней модѣ — это ли не послухъ: бѣлые ботинки къ строгому смокингу.

— Вы придумали новую жизнь. Но вамъ скучно въ сѣромъ камнѣ, — камень неплоденъ. И три тысячи лѣтъ минуя, въ амфитеатрахъ де-

шеваго гранита воскрешаете... Элладу. Ну, что что жъ! Хлопайте Айседорѣ Дунканъ, считайте за счастье «что то пережить» на ея спектакляхъ, а я вотъ возьму, да на этой самой Айседорѣ... женюсь.

— Вы смозговали аэропланъ. Триста верстъ въ часъ — это ли не гордость нашего времени. Ну, и ходите и смотрите какъ трепыхаются неживыя птицы надъ аэродромомъ. А я вотъ изъ Москвы въ Берлинъ полечу. А изъ Берлина еще и въ Америку.

На Айседорѣ Дунканъ онъ женился. Изъ Москвы въ Берлинъ прилетѣлъ. Изъ Берлина полетитъ въ Нью-Іоркъ. Если завтра придумаютъ торпеду, чтобы достать луну — Есенинъ будетъ первымъ ея пассажиромъ. Для него это послухъ, онъ пока его и несетъ. Съ ножичкомъ за голенищемъ, а ласковый: въ глаза глядитъ всякому какъ матери.

Но если завтра придутъ толпы и въ ярости обнаженнаго гнѣва голыми кулаками разобьютъ Кремль и Лувръ, по камушку по бревнышку растащутъ стѣны музеевъ и грязныя ноги вмѣсто портянокъ обернутъ Рафаэлемъ — онъ будетъ однимъ изъ первыхъ, — пѣвецъ ярости возставшаго дикаря и раба и жертву, въ смертной мукѣ припавшую къ облучку, дорѣжетъ — изъ озорства.

Андрей Бѣлый

Пальто цвѣта скисшаго кофе поддернуто на одномъ бедрѣ, опущено на другомъ. Широкое настолько, что поясъ сдавливаетъ складки. Клѣтчатый, не по головѣ кэпи надвинутъ на глаза, изъ подъ него видны: — острый носъ, два пепельныхъ клока волосъ надъ ушами, остренькій дѣвичій подбородокъ. На костюмѣ — какой то оттѣнокъ РСФСР. — въ небрежности ли, или въ потертости: поношено ладно, до блеска? Идетъ онъ по Tauentzienstrasse къ Untergrund у Wittenbergpl. бочкомъ, на тротуарѣ какъ на кочкахъ подпрыгиваетъ. Писецъ изъ московскаго комиссаріата здравоохраненія, можетъ быть, регентъ изъ Храма Христа Спасителя, приватъ-доцентъ по математическому факультету, засидѣвшійся надъ диссертаціей. Тажая заурядная будничная внѣшность, и вмѣстѣ съ тѣмъ есть нѣчто, что жжетъ въ этомъ человѣкѣ, страшитъ, пронзая, околдовываетъ:

— Его глаза.

Они завалились внутрь въ провалы поголубѣвшихъ вѣкъ, двѣ стрѣлы — изъ подвала. Они фосфорисцируютъ, когда въ его головѣ зажигается новая мысль. Притягательны какъ зиркъ змѣи. И холодны какъ можетъ быть холодно только число — число холоднѣе чѣмъ ледъ. Есть грань между безумiемъ и геніальностью, тонкая транспорантная черта — улавливаетъ ли ее человѣческій разумъ, не знаешь, когда смотришь въ эти глаза, заглянувшіе въ математику бытія. Тогда — безсмертіе ихъ фосфорисцирующій металлическій блескъ, отсвѣчивающій формулы жизни, или ужасъ и безсиліе разума, остановив-

шагося передъ грозностью бытія? Я этого не знаю. Но я вѣрю этимъ глазамъ, глядящимъ сквозь всезнающимъ, мертвымъ, страшнымъ взглядомъ — оттого что ни радостей личной любви, ни сѣренькаго горя, ни неба, ни лѣса, ни поля, — коснувшіеся загадокъ космоса, они не отражаютъ. Глаза оголеннаго разума придавившаго сердце, такой лишній и никчемный аттрибутъ въ круговращеніи чиселъ бытія, глаза — пронзившіе жизнь.

*

Стихъ, творчество для А. Бѣлаго — сложная вереница цифръ, упирающая въ вѣчность. «Ра« — простѣйшее сочетаніе, вотъ — «ра» — онъ напружиниваетъ руки, толкаетъ ихъ впередъ, преодолѣваетъ: «ра» — движеніе впередъ, работа, lavorare, arbeiten, — рабъ. Сначала было движеніе, языкъ помогалъ работѣ — выбрасывающееся звуковое «ра» способствовало напряженію тѣла, толкающаго впередъ? Рабъ — отъ ра(боты. Soleil, Sonne, Солнце — желтая, опаляющая струя, истомляющій звонъ зноя.... Луна — мягкое, льющее, сонное — лунное...

Отыскать родникъ открывающійся чуть замѣтной струйкой съ сѣдой горы человѣчества... Когда ползая на четверенькахъ, оно языкомъ помогало движенію рукъ хватающихъ и держащихъ, упирающихся ногъ, а самый языкъ былъ похожъ на короткій собачій лай. Прослѣдить, какъ росла и шумѣла рѣка человѣческаго развитія, какъ языкъ помогающій рукѣ на добычѣ становится органомъ, которому теперь помогаетъ жестъ. И слово, единственное нынѣ орудіе человѣка, на звуки, черезъ человѣка отзванивающіе космосомъ, разложить, уяснить, математически исчислить, — отыскать жесты способные и нужные каждому слову, утверждающіе его — вотъ путь новой науки — эвритміи, о которой такъ жарко и много говоритъ сейчасъ А. Бѣлый.

Самъ онъ — эвритмистъ. Его жесть необычайно развитъ. Говоря онъ танцуетъ, переходитъ съ мѣста на мѣсто, выбрасываетъ руки, и то отсѣчетъ ладонью, то разведетъ руки, вытягиваетъ голову будто поетъ, сжимается, если этого требуетъ короткій, испугавшійся звукъ и вдругъ снова выбрасываетъ слово мощное и сильное, бьющее какъ молотъ... Ра-бо-тать — двѣ руки отталкиваютъ плугъ бога Ра, ра... это — рабъ! Ра-бо-тать, — откачивается назадъ и съ силой нажимаетъ на рѣжущій плугъ, подается впередъ, заваливается, оставляя сзади разрытую, готовую къ оплодотворенію борозду.

Глядя на эти качанія, движенія, отрывистые какъ шпага жесты, глядя въ его глаза — металлически звонкіе, я всегда не могъ отдѣлаться отъ чувства ужаса, который прихватывалъ мое сердце острымъ тискомъ. Словно стоишь передъ бездной, а фанатикъ зоветъ испытать блаженство полета. Надо только не утерять зоркость глаза и воспринимающей силой мозга остановить біеніе сердца. Забыть и попрать бѣгущую мимо жизнь, спокойной и колющей иглой проколоть ея сущность. И тогда не липы, пьяныя отъ весенняго цвѣта подъ окномъ, и не глаза Маруси, припавшей къ плечу въ дѣвичьей неясной грусти, а струи космоса вытянуть цѣпкія лапы, уронятъ горы въ перводенный хаосъ, отстроенный человѣческой мыслью — и останется голый звукъ струи и камня, и въ нихъ станетъ холодно какъ въ первотворный день. Грань геніальности и безумія, тонкая какъ транспорантная черта! Я чувствовалъ, что холодный потъ покрываетъ мой лобъ, безумные глаза жгутъ и преслѣдуютъ меня и уходя на улицу, на воздухъ, въ ночь — жадно дышалъ растворенным цвѣтеніемъ липъ, думалъ о дѣвушкѣ ,о счастьѣ ея, ласковомъ и понятномъ. Такъ человѣкъ, оправившись послѣ долгой болѣзни, въ первый разъ, качаясь, подходитъ къ открытому окну... Такъ, спасшійся при крушеніи поѣзда, вдругъ

научается цѣнить жизнь и мѣсто свое, крѣпкое, хоть и маленькое, завязанное въ одинъ узелъ дней, событій, переживаній, одуряющихъ липъ, радостей — находитъ внезапно. Такъ обозначается, должно быть, понятное человѣческое счастье...

Съ этой стороны больше всего я хотѣлъ узнать Андрея Бѣлаго. Мнѣ все казалось, что сердце должно какъ то прорваться сквозь тѣсный, въ сталь закованный кругъ мысли. И если мысль-зима, величественная и бѣлая, не весенній ли вздохъ полей — сердце человѣчества?

*

Въ разбродѣ иммиграціи двое — художникъ и поэтъ украли мысль Верхарна: бросить вещь къ небу. Безлюбыми, опустошенными кровью революціи глазами взглянули они черезъ плечо свое на жизнь, и хриплая пѣсня осязаемому предмету поднялась въ ихъ горечи. Они не были искренни — ибо малый даръ имъ былъ отпущенъ, и сами они не дошли, но другихъ позвали заглянуть въ пропасть.

И вотъ однажды мы сошлись въ свѣтлой залѣ, въ ней было много народа, хорошо передъ этимъ пообѣдавшаго, расположеннаго философствовать на темы о необъяснимомъ, похожаго на стадо, которое только что пригнали съ тучнаго поля въ село, а солнце еще не зашло, и день не закончился. Художникъ и поэтъ косноязычными голосами разсказали, что на облысѣвшей землѣ осталась только вещь, она замѣнила пламенное горѣніе творчества, поднялась на аэропланахъ за облака, открыла обманъ человѣчества, ибо за облаками ничего не оказалось, и этой вещи, созданной руками человѣка и человѣка поборовшей, — нужно теперь молиться. Имъ отвѣчалъ Андрей Бѣлый. И какимъ яснымъ гнѣвомъ оскорбленнаго человѣка заблистали его глаза. Онъ сказалъ о томъ, что человѣчество не

знаетъ какую гибель оно себѣ готовитъ. Что приспѣетъ часъ, и аэропланы, и автомобили, и чудовищные небоскребы — дома, и поѣзда — желѣзныя змѣи обрастутъ плотью, затучнѣютъ тѣломъ, и желѣзная птица апокалипсиса, чудовища и мамонты его оживутъ и въ страшный день Божьяго суда пожрутъ сотворившее ихъ въ невѣдѣніи человѣчество. Тогда въ нашей залѣ стало тихо, и никто больше не отвѣчалъ художнику и поэту, и сами они не нашли словъ, чтобы защитить свою вѣру, ибо не зная съ малыми свѣчами подошли къ пропасти, въ которой только одна грань, узная транспорантная черта отдѣляетъ безуміе отъ геніальности, въ которой за холодными числами — они холоднѣе льда — еще стучитъ горячее и большее сердце земли.

БИБЛІОТЕКА
АКАДЕМІИ.

СОДЕРЖАНІЕ:

О живыхъ встрѣчахъ 3
Алексѣй Ремизовъ 5
Графъ А. Н. Толстой 11
Ив. Бунинъ 17
Ан. Каменскій 27
В. Дорошевичъ 33
Б. Лазаревскій 41
Ив. Наживинъ 47
С. Есенинъ 51
Андрей Бѣлый 57